

Пятое письмо к издателю "Московского вестника"

Карамзин: pro et contra / Сост., вступ. ст. Л. А. Сапченко. -- СПб.: РХГА, 2006.
OCR Бычков М.Н.

Заставьте журналиста поклясться именем Феба и всех муз: не отравлять своего журнала пристрастием.

Московский телеграф. 1825. No 1. С. 16

В мае 1818 года, окончив разбор и опись разных монастырских книгохранилищ Московской епархии, по воле покойного государственного канцлера графа Н. П. Румянцева, я приехал в С. Петербург. С кипой исторических документов, мною найденных, и с замечаниями на некоторые места Истории государства Российского (только что вышедшей), я предстал бессмертному творцу ее, коим был обласкан еще до переселения его из здешней столицы. Как юноша робкий, малоопытный {Мне было тогда 22-й год.}, я не постигал всего величия души гениальной; думал, что указывать ошибки значит то же, что оскорблять личность: а потому недоумевал, каким образом предъявить мои находки и замечания. К счастью, великий муж сам вывел меня из замешательства, спросив: что у вас в этой связке? Я отвечал, что привез новые материалы, мною найденные. Взор его тотчас показал мне внимательное любопытство: он терпеливо просмотрел бумаги; а я, ободренный неожиданным снисхождением, начал высказывать мои замечания на Историю. Тогда внимание историографа усугубилось: он возражал, входил в подробности, соглашался, писал карандашом (на белой странице одной из моих тетрадей) и в заключение, благодаря за одолжение, просил оставить принесенное на несколько дней и вспомнить: не имею ли еще каких замечаний? Никогда не изгладится из моей памяти сия ласковая, усладительная беседа великого историка со мною, юношею, едва вступившем на поприще археографии. Чем же сие кончилось? Чрез несколько дней историограф прислал за мною: возвратить бумаги, оставив некоторые (пообъемнее) для списания; многое, с моих слов, вытребовав из Архива Коллегии Иностранных дел и исправил места, мною критикованные. При появлении второго издания Истории государства Российского я увидел, в разных местах Примечаний, и акты, мною сообщенные, и благодарность за мою благосклонность. Возвращая остальные бумаги ко мне (в Москву), великий муж заключил свое письмо {Из Царского Села, от 29 авг. 1818.} так: "Всякое замечание ваше для меня любопытно; за все скажу вам спасибо -- а всего более за ваше доброе расположение". Сие письмо я сохраняю как драгоценность.

Бывая потом в С. Петербурге, я всегда являлся к историографу с гостинцем: с новыми документами, выписками или замечаниями. В 1824 году, соглашаясь на мое предложение составить алфавитный указатель к Истории, первым требованием его было следующее: "Пожалуйте замечайте ошибки; вам они будут виднее, нежели мне" Я так и сделал: все, что казалось мне неточным, писал в тетрадь (вскользь и сокращенно), предполагая впоследствии привести мои замечания в порядок и представить их великому мужу, который, своим снисхождением и ласкою, умел привязать меня к себе всею душою. Но Провидение устроило иначе. В мае 1826 бессмертный отошел в вечность; а мой указатель был еще в половине. Но я продолжал записывать, и тетрадь остается в моих бумагах.

Книжка вашего Журнала (No 19 и 20) с умными и убедительными замечаниями на Историю государства Российского г-на Арцыбашева, где также упомянуто, что г. профессор Каченовский готовится печатать свои, возбудила мой всегдашний порыв к истине: я вспомнил о своей тетради и принялся было приводить ее в порядок, для помещения в вашем же Вестнике. -- Как жаль (думал я), что бессмертный теперь не с смертными. Каким удовольствием исполнилась бы великая душа его, при появлении вдруг стольких замечаний на его колоссальный труд: когда он, с таким вниманием и любопытством, принимал некогда поправки малоопытного юноши!

Заботы и занятия, меня обременившие, скоро отвлекли мое внимание и от моей тетради, и от замечаний г. Арцыбашева. Только стихо-прозаическая {Кажется, автор недоумевал: все ли поймут его остроумный вымысел? А потому к 24 стихам присоединил 23-строчное пояснительное примечание, где соль аттическая заменена желчью нетерпимости.} *Быль* (в No 19 "Москов<ского> Телеграфа") несколько стародавняя, в коей великому историографу приписан Ираклов подвиг: изгнания сов из каких-то развалин -- меня позабавила. Но я не мог воображать, чтобы эта былая небылица превратилась в сигнал восстания